

БУДИТЬ СОВЕСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ

О ПРИЗВАНИИ ТЕАТРА ГОВОРIT НАРОДНЫЙ АРТИСТ УССР, АКТЕР ЛЕНИНГРАДСКОГО АБДТ ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО
ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР ВАЛЕРИЙ ИВЧЕНКО

Его отлично знают львовяне: накануне приглашения в Ленинград, в прославленную труппу Академического Большого драматического театра имени М. Горького, артист был на гастроллях во Львове в составе Киевского академического украинского драмтеатра имени Ивана Франко, в спектаклях которого («Загибель ескадри», «Дядя Ваня», «Дикий Ангел», «Благочестива Марта» и др.) создал яркие, запоминающиеся образы.

— Всего второй год у нас в театре, а уже на первых ролях, — так полухотливо представили коллегу по новояз для него, ленинградского, сцене друзья-товарищески в новогоднем телевизионном «Голубом огоньке».

И действительно: спектакли «Смерть Тарелкина» (опера-фарс по мотивам комедии А. Сухово-Кобылина), «Порог» (по пьесе А. Дударева), где в главных ролях выступил В. Ивченко, стали заметным явлением в театральной жизни Ленинграда.

И вот — один из январских театральных вечеров в Ленинграде, беседа с В. М. Ивченко после спектакля. Что хочет передать львовянам? Что такое театр — для него, актера, и чем, по его мнению, должен быть театр для зрителя? Как ощущается отдача, зрительская реакция на новизны роли? И, естественно, что в ближайших творческих планах? Слово — артисту.

□ □ □

— Приятно, радостно, что во Львове сейчас проходит месячник в честь города-героя Ленинграда. Это еще одна страница в большой книге нашего братства. Вот и мне повезло участвовать в ленинградской сцене, а корни мои — на Украине. Если говорить о театре, то связи украинской и русской театральной культуры сложились давно, у них богатейшая история и слава сегодня. Я это ощущаю, что называю, на себе. Годы работы в Киеве — насыщенной, творческой работы, приносившей и радость, и признания, дали мне возможность раскрыться как человеку зрелому, когда опыт театральный и мысли о жизни сливаются и ты чувствуешь, что способен сложнейший замысел воплотить. Я очень благодарен театру

им. Ивана Франко, очень благодарен человеку, которого считаю своим учителем, — режиссеру Владимиру Николаевичу Оглоблину: мое становление как актера происходило у него. И вот теперь стало ясно: в методе, в манере у моего учителя было немало общего, родственного с работой Георгия Александровича Товстоногова, Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР, главного режиссера АБДТ. Это одна из причин того, что довольно быстро (хотя, конечно, трудности были немалые) ощутил я себя в новом коллективе не чужим.

Если говорить вообще о значении театра, то, скажем, для меня очень дорога (и близка моим актерским устремлениям) мысль Г. А. Товстоногова о том, что театр

призван будить совесть человеческую. Театр должен ставить вопросы, побуждать людей смотреть в глубь себя, задумываться о себе, о месте своем в жизни. Это, пожалуй, самое важное, и я пытаюсь, насколько это удается, стремиться к этой цели.

Что же касается зрительской аудитории, то (я могу говорить о зрителях Киева, Львова, многих других городов, где довелось быть на гастроллях, а теперь — и в ленинградцах), несмотря на известное своеобразие восприятия спектаклей в каждом из отдельных городов, если театр говорит по существу, решает те задачи, которые призван решать, — душа человеческая откликается одинаково. Если творчество театра обращено к человеческому сердцу — оно всегда находит в нем отклик. Кстати, с удовольствием вспоминаю гастролли во Львове — приезжал еще с Харьковским театром им. Т. Г. Шевченко и вот совсем

недавно — с франковцами: зритель львовский — чуткий, восприимчивый, благодарный. Много с тех пор у меня во Львове друзей, особенно — в театре им. М. Заньковецкой, людям ищущих, глубоко думающих, избирающих непростой путь в искусстве, и это мне очень дорого. Пользуюсь случаем передать им искренний привет, добрые пожелания.

Меня нет-нет, да и спрашивают, правильно ли я сделал, приняв приглашение Г. А. Товстоногова перейти в новый театр? Думаю, что правильно. Во-первых, у нас у всех одно, общее театральное дело. Во-вторых, я убежден: недаром К. С. Станиславский говорил о том, что каждые пять лет актер должен рождаться заново. Нет для артиста ничего тревожнее окостенения, обрастания штампами, даже невольными и приносящими успех. Чтобы развиваться, надо уйти от опасности быть слишком уверенным, эксплуатировать найденное. Надо снова и снова бросаться в неизвестное, испытывать себя — только так можно определить уровень своего умения, развить то, что дала природа.

В новом для себя театре я встретился с материалом, требовавшим другой образности, иного способа театральной выразительности. Например,

встреча с таким совершенно непредвиденным в моей актерской биографии жанром, как опера-фарс. Когда ты погружаешься в музыку, она открывает совершенно новую сферу твоего существования на сцене как драматического актера. Опираясь на музыкальную стихию, драматический актер получает возможность так мощно воздействовать на зрителя, как никто другой. Г. А. Товстоногов всегда тяготел к поискам в области музыкального театра, и «Смерть Тарелкина» — как бы завершение определенного этапа в этом направлении.

И совершенно иная по своей философии — но в одном русле борьбы за человеческое в человеке — роль Буслая в «Пороге». Встреча с А. Дударевым, очень интересным белорусским драматургом, — это и для меня определенный этап. Круг проблем, которые он поднимает, мне очень близок. Он принес с собой на сцену острые нравственные проблемы. Если раньше мы много занимались тем, что предъявляли счет кому-то — времени, окружающим, то этот драматург утверждает: прежде всего надо спросить с себя. Как мы проявляемся — это во многом зависит от нас,

от системы наших нравственных ценностей, строгой требовательности к самому себе. Вот об этом и говорит А. Дударев в пьесе «Порог».

И еще — об отдаче зрительской. Ее ощущаешь, прежде всего, когда ты на сцене (это знакомо каждому актеру). Чем вдумчивее, талантливее зритель, тем интереснее происходит общение актера с ним. Ведь зритель недаром считается соавтором спектакля. И когда ощущаешь обратный энергетический поток, то это помогает полнокровнее прожить на сцене жизнь твоего героя. Без этой, сиоинициальной зрительской отдачи, боюсь, и сил бы не хватило...

А другая сторона этой связи — как проявляется фант искусства, фант спектакля в дальнейшей жизни зрителя. Об этом судить очень трудно. Но вот, скажем, повышенный интерес к спектаклю уже говорит, видно, сам за себя. О «Пороге», к примеру, получаю много писем, приходят они в театр. Одни размышляют по поводу спектакля, его персонажей, другие пишут с возмущением: мы, мол, приходим насладиться искусством, отдохнуть, а нам показывают то, с чем приходится сталкиваться в жизни. Так что реакция очень неоднозначна. Для нас это свидетельство того, что спектакли затрагивают души людей, не оставляют равнодушными. А разве не это — главное!

Сейчас работаю над новой ролью — Глумова в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты» А. Островского. Трудно загадывать, как получится. Важно, что очень интересно работать. Чувствую: опять открываю для себя много нового...

Беседу вел
Г. ХРАМОВ.

Львовская правда 27 ЯНВ 1985